

Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России

Еще в домарксистской историографии сложился миф о неконструктивности политических идей и пагубности практической политики Николая I. Между тем царствование этого императора (1825—1855 гг.) можно рассматривать как время подготовки к преобразованиям 1860-х гг.

Несмотря на печальные события, с которых началось правление третьего сына императора Павла I, с воцарением Николая Павловича в обществе заговорили о возвращении времен Петра и Екатерины. «В надежде славы и добра» пребывал тогда не один Пушкин, многие ожидали перемен, уповая при этом на монарха. Действительно, в это царствование создавалось множество секретных комитетов при императоре, разрабатывавших планы тех или иных преобразований. И хотя заседания этих комитетов были строго конфиденциальны, а решения далеко не всегда проводились в жизнь, их деятельность стала той ступенькой, с которой в следующее царствование страна шагнула в Великие реформы. В немалой степени это стало возможным благодаря тому, что в числе членов секретных комитетов (они, как правило, составлялись из министров и главноуправляющих) были неординарные личности.

Первое место среди них занимал, конечно, М.М.Сперанский, но он был далеко не единственным выдающимся деятелем николаевской эпохи. Рядом с портретом этого известного реформатора, которого иные современники называли гением, следует поместить и портрет Егора Францевича Канкрина (1774—1845 гг.). Вот как описывал этого незаурядного человека В.Г.Бенедиктов, некоторое время бывший личным секретарем графа:

*Весь лысый, на висках седых волос клочки
Глаза под зонтиком и темные очки...
Выслушивает всех, очки поднимет на лоб,
И видится, как мысль бьет в виде двух лучей
Из синих, наискось приподнятых очей...
И посреди всего он сам, едва живой,
Он — пара тощих ног с могучей головой!
Крест накрест две руки, двух метких глаз оглядка —
Да тонко сжатых губ изогнутая складка¹.*

* Ружицкая Ирина Владимировна — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

Е.Ф.Канкрин, так же как и М.М.Сперанский, выдвинулся в царствование Александра Павловича, но его звездный час пришелся на правление Николая I. В 1823—1844 г. он был министром финансов и играл ведущую роль в определении и осуществлении хозяйственной политики Российской империи. Современники высоко ценили графа; до нас дошло немало восторженных отзывов о нем. С неизменным уважением относился к Канкрину император; граф был единственным, кому Николай I, не терпевший табачного дыма, позволял курить в своем присутствии...

О Канкрине написано немало. Но единого мнения о значении его деятельности в литературе нет. В большей части работ, увидевших свет до 1917 г., преобладает апологетический тон. Их авторы к заслугам Канкринина относили общие успехи экономического развития России в 1830—1840-е гг., бездефицитные бюджеты, денежную реформу, восхищались такими его качествами как исключительная работоспособность, «безупречная нравственность, неподкупная честность, аккуратность до ничтожных мелочей», отмечали широту и многосторонность его научных и культурных интересов². В работах, появившихся в последующие годы, признавались заслуги Канкринина в деле укрепления финансовой системы России, однако, как правило, исследователи считали эти успехи случайными последствиями политики «одного из самых реакционных государственных деятелей своего времени». По их мнению, его «социально-экономическая политика... была пронизана реакционно-охранительными тенденциями», была «архиконсервативна» и игнорировала новые условия общественно-экономического развития страны, а сам Канкрин был «чрезвычайно далек от передовых экономических учений своего времени»³. В последние годы в общих работах по истории России (специальных исследований о Канкрине не издавалось, если не считать небольших по объему статей и разделов⁴), появились более справедливые и взвешенные оценки: в николаевском министре стали видеть «опытного и осторожного финансиста»⁵, обладавшего четко продуманной программой деятельности и глубоко понимавшего насущные потребности страны⁶.

Кем же на самом деле был для России Егор Францевич Канкрин — злым гением или добрым волшебником? Как вообще оказался в России человек, родившийся на немецкой земле и до двадцати трех лет ни разу не видевший страну, экономику которой ему предстояло возглавить?

Будущий министр финансов России родился в Гессенском курфюршестве, в семье чиновника и известного инженера, специалиста по соляному, строительному и монетному делу Франца Людвига Канкринина. Другом старшего Канкринина был барон Пирх, в недалеком будущем — артиллерийский наставник А.А.Аракчеева; вместе с этим бравым артиллеристом семья Канкриных в 1783 г. перебирается в Россию, оставив сына завершать образование в Германии⁷. Отец будущего министра финансов получил должность директора соляных варниц в Старой Руссе⁸.

Канкрин-младший продолжал обучение в немецких университетах. Уже тогда проявились его разносторонние способности: он занимается не только юридическими и политико-экономическими науками (в Магдебургском университете), но философией и поэзией (в Гессенском университете). В эти годы Георг пишет и издает роман с романтическим названием: «Дагобер, роман из нынешней войны за освобождение» (1797 г.). На какое-то время попав под влияние идей французской революции, он из своих друзей-студентов даже создает «идеальное дружеское общество».

В двадцатитрехлетнем возрасте Канкрин первый раз приезжает в Россию, к родным. Тогда же он посещает Петербург, который поразил его своей мрачностью. Благодаря служебным связям отца, Канкрин сразу получает чин надворного советника. Какое-то время он не может получить места: большого ему не давали из-за незнания русского языка, а принять незначительное значило уронить чин⁹. Наконец, в январе 1800 г. Канкрин был назначен помощником отца по управлению Старорусскими варницами уже в чине коллежского советника. По свидетельству осведомленного человека, протекцию ему составил вице-канцлер И.А.Остерман, обративший внимание на Канкринина из-за поданного последним проекта по... овцеводству¹⁰. Через три года Канкрин был переведен в министерство внутренних дел в экспедицию государственных имуществ, где выполнял поручения «по соляной и лесной частям». Эта деятельность была связана с разъездами; Канкрину представилась возможность лучше узнать язык (всю жизнь он любил сыпать русскими пословицами и поговорками), обычаи, нравы страны, служение которой отныне будет смыслом его жизни.

После напряженной службы, связанной с постоянными командировками, полтора года, проведенные Канкриним в Стрельне в качестве инспектора немецких колоний Санкт-Петербургской губернии, стали своеобразной передышкой. «Обеспеченный и удовлетворенный» он много писал о самых разнообразных предметах и даже сочинял разборы театральных представлений, которые появлялись в газетах без указания имени автора¹¹.

Тогда же (1809 г.) в Петербурге вышла его книга «Фрагменты о военном искусстве с точки зрения военной философии»; ею заинтересовался генерал Фуль, преподававший тактику Александру I. Фуль обратил внимание государя на автора, тот распорядился навести справки и, ознакомившись с «досье» Канкринина, подвел итог: «Много знающий, дельный человек, но немного жесток»¹². Такая характеристика вполне удовлетворила императора, и с февраля 1811 г. Канкрин начал службу в русской армии «по интендантской части». Вскоре Александру I был представлен доклад «О средствах продовольствия больших армий», составленный Канкриним по указанию военного министра Барклая-де-Толли (последний опекал Канкринина с первого дня пребывания в России). Доклад был удостоен высочайшего одобрения и военная карьера будущего министра финансов быстро пошла в гору. В феврале 1812 г. он возглавил интендантское ведомство 1-й Западной

армии, а с апреля 1813 — всех действующих армий. После войны (1815 г.) Канкрину поручено привести в порядок все дела, связанные с 30-тью миллионами франков военной контрибуции¹³. Все идет хорошо, впереди уже маячат очередные чины и награды. И вдруг что-то происходит: расположенный к Канкрину биограф с горечью констатирует: «генерал-интендантство в мирное время тяжело»¹⁴, — и добавляет, что из-за неких событий Канкрину «пришлось» долго жить в Могилевской губернии, а в 1820 г. подать в отставку. Речь шла об обвинении Канкринина во взяточничестве и растратах, впрочем, доказано это обвинение не было, и до суда дело так и не дошло¹⁵.

Время вынужденной ссылки не пропало для Канкринина даром. Он пишет две большие работы; одна из них — «О военной экономии, во время войны и во время мира, и ее отношениях к продвижению войск»¹⁶. В другом сочинении — «Всемирное богатство, народное благосостояние и государственное хозяйство» — Канкрин излагал принципы экономической политики, которыми впоследствии руководствовался на посту министра финансов. Вот «начала, легшие в основу русской финансовой системы»: государство должно уподобиться человеку, который умеет жить по своим средствам, т.е. быть осторожным и бережливым, не прибегать к порче монеты, выпускать как можно меньше бумажных денег, не заключать внешних займов в мирное время, не верить частному кредиту¹⁷.

К июню 1821 г. опала закончилась: Канкрин был приглашен на конгресс в Лайбах, созданный по поводу предстоящей войны в Италии, в качестве, как сказали бы сейчас, эксперта по хозяйственным вопросам. В ноябре того же года он стал членом департамента государственной экономии Государственного совета.

Предполагали, что покровителем Канкринина был А.А.Аракчеев, которому Канкрин понравился своей независимостью. Рассказывали, что министр внутренних дел И.П.Козодавлев по просьбе Аракчеева прислал ему чиновника, сведущего в лесном деле и умеющего разводить сады. Этим чиновником оказался Канкрин. Аракчеев при разговоре обращался к нему на «ты». Канкрин «обиделся и раскланялся». Это пришлось по душе всеильному графу, который перевел Канкринина к себе на службу и «с тех пор отличал своим доверием»¹⁸. Ходили слухи, что именно благодаря столь высокому покровительству, Канкрин был назначен в 1823 г. министром финансов¹⁹.

Так ли это или нет, только на месте родовитого и богатого Д.А.Гурьева, на одной из ключевых государственных должностей очутился «какой-то чужак, весь углубленный в свое дело», «мало известный в высшем обществе, мало обтертый». По воспоминаниям современника, «публика ахнула от удивления»²⁰.

Но, если на «общество» выбор государя произвел неблагоприятное впечатление, то ряд видных деятелей того времени, одобрили этот шаг Александра I. Например, А.П.Ермолов отзывался об этой перестановке в правительстве следующим образом: «Какое

внезапное падение Гурьева! и многих, я думаю, удивило назначение Канкринина? Но финансы, без сомнения, будут в лучшем состоянии, судя по его знаниям и способностям... От Канкринина, как человека умного, можно ожидать большой пользы и по расстройству финансов наших как не желать того?»²¹ Н.Н.Муравьев-Карский, которого никак нельзя отнести к благожелателям Канкринина, заметил о нем: «Человек сей верно полезнее и занимательнее если не всех, то многих служащих вблизи государя»²². Интересно, что М.М.Сперанский, за десять лет до назначения Егора Францевича, в одном из писем отмечал: «Нет у нас во всем государстве человека способнее Канкринина быть министром финансов»²³. Возможно, что позже Сперанский сыграл определенную роль в выборе Александра I.

Были, впрочем, люди, придерживающиеся иной точки зрения. Аристократический круг так и не принял Канкринина. «Он неприятен в обращении — rude comme un guste (груб как медведь); беседа его не обвораживает любезностью светского человека, он груб, неуклюж, как старый немец»²⁴, — таково мнение этого круга. Н.Х.Бунге, будущий министр финансов считал, что «Канкрину не доставало широкого государственного взгляда на общественное хозяйство и веры в будущность России»²⁵. Экономист середины XIX в. И.В.Вернадский писал, что «фабричная промышленность приводит его [Канкринина] в ужас, машины почитает он чрезвычайно вредными в отношении к правительству и нравственности народа»²⁶.

Многие достаточно влиятельные люди терпеть не могли Канкринина, политику его не принимали и находили, что он «не любил России и всех русских презирал»²⁷. Подобное мнение, родившееся в среде высшей бюрократии, возможно, было связано не столько с «безродностью» министра, сколько с недовольством этой части государственного аппарата попытками Канкринина сократить издержки на содержание ряда ведомств и на другие непроизводительные расходы: каждый год он посылал предупреждения министерствам и главным управлениям о сокращении их смет; в 1835 г. был даже создан особый комитет, предназначенный «извлекать способы к возможному уменьшению расходов по каждому ведомству»²⁸.

Конечно, политике Канкринина были присущи противоречивость и некоторая непоследовательность. Однако неправильно, как поступали некоторые современники, объяснять их только недостаточной прогрессивностью экономических воззрений или пороками характера министра. Безусловно, эту политику определяли другие, более серьезные факторы. И главным из них было, как представляется, противоречие между нарождавшимися и укреплявшимися в России в первой половине XIX в. буржуазными отношениями и сохранением господствующего положения дворянства. Канкрин как один из наиболее умных и дальновидных представителей этого класса не мог не понимать, куда ведет страну логика экономического развития, однако, делал все возможное, чтобы процесс ста-

новления новых отношений протекал как можно менее болезненно для дворянства. Он был сторонником медленного, крайне осторожного развития капиталистической промышленности, приспособляющейся к господствующему крепостническому укладу, он любил говорить, что правительство должно стимулировать к развитию производства, действуя *гомеопатическими* средствами.

Данное обстоятельство отмечено только одним исследователем — И.Г.Блюминым. Канкрин, как отмечал этот автор, понимал необходимость индустриального развития России, создания собственной промышленной базы, без которой страна может быть закабалена передовыми западноевропейскими державами. Однако при этом министр финансов боялся, что такое развитие приведет к пауперизации общества, к росту бедняков («пролетариата»), увеличит число недовольных, создаст революционную ситуацию. Поэтому он «одной рукой поддерживал развитие промышленности, а другой всячески ограничивал ее». Тем не менее, это был единственный «из всех министров дореформенной России», который проявил «больше всего внимания к вопросам промышленного развития и «был сторонником этого развития (правда, очень умеренного и в определенных формах)»²⁹. На мой взгляд, это наиболее точная оценка экономической политики графа Канкринна, которая, в общем и целом, носила достаточно прогрессивный характер.

Уже одна проведенная при нем в 1839—1843 гг. денежная реформа, в ходе которой денежной единицей, вместо бумажных ассигнаций, стал серебряный рубль, свидетельствует в пользу такой точки зрения³⁰. В оценке этой реформы все авторы единодушны: она оказала положительное влияние на развитие экономики страны. При Канкрине на время была достигнута бездефицитность государственного бюджета. Накануне назначения Канкринна министром финансов ситуация была совсем иной. В 1822 г. в циркуляре министра иностранных дел к представителям России при иностранных дворах в Западной Европе в связи с решением ввести запретительный тариф отмечалось, что положение государственной казны почти безнадежно; а характерными чертами экономики России являются постоянные дефициты, обесценение ассигнаций, сокращение государственных доходов, недостаток в обращении денежных знаков, упадок промышленности и торговли, многочисленные банкротства, масса недоимок³¹. Многие исследователи отмечают, что к 1830-м гг. «репутация русских финансов под управлением Канкринна улучшилась настолько, что бумаги русские на зарубежных рынках котировались постоянно альпари*», чего ранее никогда не было»³².

Чаще всего Канкринна обвиняли в том, что он был ярким и узким протекционистом, ведь именно с его именем связано осу-

* Альпари — соответствие биржевого, рыночного курса ценных бумаг или валюты их номиналу (И.Р.).

шествование нового таможенного тарифа 1822 г.³³ Подобные упреки не совсем справедливы. Канкрин прекрасно понимал преимущества свободной торговли, но указывал, что при системе свободной торговли России угрожает опасность в своей промышленной жизни попасть в полную зависимость от иностранных интересов (в частности, от Англии).

Нарекания вызывало и возобновление при Канкрине винных откупов, осуществленное в большей степени из фискальных соображений. По моему мнению, подобные меры вовсе не свидетельствуют ни о «реакционности» министра, ни о его некомпетентности, ни, тем более, о его «нелюбви к России». В то время это были хотя и не бесспорные, но экономически целесообразные решения, что Канкрин объяснял в своих обстоятельных докладных записках на высочайшее имя.

* * *

Немало сделал Канкрин для развития отечественной культуры. По роду службы ему приходилось заниматься организацией научных экспедиций на Урал и в Сибирь, для руководства одной из них лично Канкриным был приглашен знаменитый ученый А. Гумбольдт³⁴. Огромны заслуги Канкрин в распространении технических знаний в России. По его инициативе было открыто несколько специальных учебных заведений: Технологический институт, практический Земледельческий институт, технические горные школы, созданы технологические отделения при некоторых гимназиях, во всех университетах стали читаться публичные лекции, посвященные успехам промышленности³⁵. Канкрин был пионером и в деле организации промышленных выставок в России, первая из них открылась в 1829 г. в Петербурге в специально построенном для нее здании³⁶. За заслуги перед наукой Канкрин был избран почетным членом Петербургского университета и французской Академии наук³⁷.

Канкрин не чуждался и литературы: роман, написанный в юности, не был его единственным беллетристическим произведением. На склоне лет граф издал сборник повестей и рассказов³⁸; одна из повестей, «Танцовщица», была напечатана Плетневым в «Современнике»³⁹. Канкрин был завзятым театралом, любил музыку (сам играл на скрипке), изобразительное искусство, увлекался архитектурой. В 1836 г. в разгар своей министерской деятельности он издал книгу «Элементы прекрасного в зодчестве». Теорией дело не ограничивалось: Канкрин сам составлял первоначальные проекты многих построенных при нем зданий и сооружений: Технологического института, части строений т.н. Лесного корпуса, пакгаузов, маяков в виде ростральных колонн вокруг Биржи, Певческого моста на Дворцовой площади. Под контролем Канкрин реставрировался растреллиевский собор на территории Смольного монастыря, благоустраивался Петровский остров. Значителен вклад Канкрин в озеленение и благоустройство Петербурга⁴⁰.

Канкрин выступил инициатором открытия воскресной рисовальной школы при Академии художеств, которая впоследствии была преобразована в Общество поощрения художников; он же открыл рисовальные классы при гимназиях. Любопытно, что в рисовальную школу были — впервые в России — допущены девушки, так же как и в организованные министром финансов начальные школы при горнозаводских округах. Это дало возможность биографу Канкринна назвать его «первым в России ревнителем женского образования»⁴¹.

* * *

Долгое время в исторической литературе создавался и поддерживался имидж Канкринна как крайнего реакционера, консерватора, типичного чиновника «глухого» николаевского царствования, не способного к какому бы то ни было движению вперед. Делалось это не только путем прямого искажения фактов, но и путем замалчивания некоторых из них⁴². Так, когда речь заходила о реформе управления государственными крестьянами, всегда называлось имя П.Д.Киселева. А ведь за несколько лет до того, как последний начал реформу, другой человек разработал и предложил план ее проведения; мало того, он начал претворять свой план в жизнь. Этим человеком был Канкрин.

Пытаясь упорядочить взимание налогов с казенных крестьян и оградить их от произвола и злоупотреблений чинов земской полиции, он, в качестве эксперимента, в двух губерниях — Петербургской и Псковской — изъял государственных крестьян из общего губернского управления и устроил особые округа во главе с особыми лицами (окружными комиссарами), назначаемыми от министерства финансов и обязанными блюсти интересы крестьян. Основные направления преобразования содержались в «Положении о распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных» от 24 июня 1826 г.⁴³ Оно распространяло на казенных крестьян двух губерний «порядок, для удельных установленный».

События вокруг принятия «Положения» 24 июня 1826 г. развивались весьма напряженно. Еще в 1818 или 1819 гг. Александр I повелел тогдашнему министру финансов Д.А.Гурьеву подготовить новое законодательство по крестьянам. Тогда был составлен только исторический очерк вопроса, до «Начертания начал и плана, которые можно считать приличным для принятия за основание нового законодательства и управления» и «Уложения» дело не дошло⁴⁴. Лишь в 1823 г. перед отставкою Гурьева император предложил ему закончить начатое. Однако речь шла уже исключительно о государственных крестьянах. К июлю 1824 г. проект был написан. Для своего времени это был весьма смелый план, хотя своевременность предложенных в нем мер можно оспорить.

Основным в проекте было изменение форм землепользования — общинное владение угодьями должно было преобразоваться в «потомственное владение отдельных домохозяев под условием

платежа оброка» — и «дарование» сословию государственных крестьян «гражданского бытия». При рассмотрении проекта в Государственном совете мнения разделились. Ярым противником проекта Гурьева выступил Канкрин. Это довольно странно, поскольку в своем плане 1818 г., о котором речь пойдет ниже, он сам выступал как сторонник индивидуального землепользования и наследственной аренды.

В связи со сменой монарха на престоле вопрос был отложен. Но вскоре после воцарения Николая I, не дожидаясь представления новому императору плана своего предшественника, Канкрин, который был «хитер как лисица»⁴⁵, внес в Государственный совет свой контрпроект. Министр поступил в соответствии со своей репутацией: не высказываясь открыто против проекта Гурьева, он ссылаясь на сложность его содержания, а, следовательно, продолжительность обсуждения, на необходимость провести «предварительные опыты» прежде, чем приступить к какой-либо общей и решительной мере, упирал на то, что его предложения и могут послужить такими «опытами».

Путь проекта министра финансов был нелегок, департамент экономии его не принял, однако Канкрин повторно представил его в Государственный совет, воспользовавшись запиской остзейского генерал-губернатора Ф.О.Паулуччи к императору о бедственном положении казенных крестьян в Псковской губернии. В итоге «Положение» от 24 июля 1826 г. все-таки было высочайше утверждено, а полигоном для его апробирования выбраны губернии: Санкт-Петербургская, как наиболее близкая к центру, и Псковская, в связи с запиской Паулуччи.

«Положение о распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных» обрисовывало лишь общие контуры преобразования. Детали содержала специальная инструкция министерства финансов для вновь созданных казенных управлений разных уровней. Канкрин, предлагавший в 1818 г. общинное землепользование превратить в подворное, здесь декларировал сохранение поземельной общины при обязательном выделении крестьянам в пользование определенного надела (переделы сохранялись). Более богатый крестьянин не мог забрать себе землю обедневшего соседа (во владение), так же как и «приобрести» ее каким-либо другим путем. Подобное требование обусловлено страхом Канкрин перед пауперизацией населения казенной деревни, стремлением «истребить пагубный обычай» закабаления «ленивых и нерадивых» поселян «алчными заимодавцами». Министр прекрасно сознавал, что поощрение аренды казенных земель, предлагаемое в проекте Гурьева, неизбежно приведет к обезземеливанию основной массы крестьян. Этого, в силу своих убеждений, и, исходя из интересов казны, министр допустить не мог. Путь английского фермерства, на который бы встала казенная деревня в случае реализации проекта Гурьева, не привлекал его: в 1818 г. положение именно английского крестьянства он приводил в качестве примера

тех катастрофических последствий, к которым повело растянутое на века упразднение крепостного права.

В инструкции Министерства финансов для казенных управлений 1826 г. весьма подробным был отдел о продовольственной и другой помощи крестьянам со стороны их «попечителей» в лице специально назначаемых министром финансов людей. Подобная детализация была характерна ранее только для документов по управлению удельными крестьянами. Инструкция содержала также большую главу о «покровительстве и ободрении крестьянской промышленности»⁴⁶.

Следовательно, суть преобразования сводилась к перестройке управления таким образом, чтобы над крестьянами существовало только одно начальство — департамент государственных имуществ министерства финансов (из управления исключались генерал-губернаторы и земская полиция), и, наконец, чтобы крестьяне по-прежнему оставались на земле, чем предотвращалось бы их обеднение и разорение. Последнее могло иметь непредсказуемые последствия как для политического спокойствия, так и для экономического благосостояния государства. А экономическое благосостояние государства должно укрепляться, и выполнение этой задачи входит в обязанности министра финансов.

Конечно, проект Гурьева был теоретически более прогрессивным, хотя перестройка управления у него практически аналогична перестройке управления у Канкринна; кстати, Гурьев выступал против выборного волостного управления, тогда как Канкрин его сохранял. Гурьевский проект предусматривал и преобразование земельных отношений, что могло бы привести к коренным социально-экономическим изменениям. Именно «могло бы», но, как думается, не привело бы в силу непродуманности самого механизма преобразования и его сроков.

Забегая вперед, можно найти много общего между «опытами» Канкринна и реформой Киселева: и тот, и другой считали необходимым усилить покровительство и надзор, и тот, и другой опирались на существующие законы, и тот, и другой за образец принимали организацию управления удельными крестьянами⁴⁷.

Историки, рассматривая «Положение 24 июня 1826 г.» под идеологической лупой, не желали замечать его положительных сторон. Между тем, изъятие государственных крестьян из ведения генерал-губернаторов, земских судов и полиции, усиление попечительской помощи, поощрение промыслов и другие стороны проекта, если бы они были реализованы полностью и без злоупотреблений, могли бы создать базу для дальнейших преобразований казенной деревни, к чему, собственно, и стремился автор проекта.

Любопытно, что в 1832 г. такие признанные авторитеты в области социальных отношений, как В.П.Кочубей и М.М.Сперанский, признали возможным распространить «удельное управление» 1826 г. на остальные великорусские губернии. Канкринным была подготовлена новая компромиссная программа, в которую он включил некоторые идеи Сперанского относительно хозяйствен-

ных принципов организации казенной деревни. Однако Николай Павлович предложил своему министру пересмотреть и Положение 1826 г., и план 1832-го.

В 1834 г. Канкрин испрашивал высочайшего разрешения распространить новую систему управления государственными крестьянами еще на десять губерний, но император, недовольный медленным ходом дела, поручает его Киселеву — было специально создано V Отделение собственной Его императорского величества канцелярии. Позже из министерства финансов было выделено министерство государственных имуществ, куда вошло и управление казенными крестьянами, руководитель нового министерства — Киселев в отношении государственных крестьян «пошел по тому же пути, который был указан Канкриным»⁴⁸. Сам Канкрин, увы, недалеко продвинулся по этому пути, по причинам, к которым мы еще вернемся.

* * *

Можно по-разному оценивать те или иные воззрения, теории и политические решения графа Е.Ф.Канкрин, несомненно, однако, что целью его устремлений и свершений было благо России, ее процветание. В этом лишний раз можно убедиться, ознакомившись с его взглядами на крепостное право в России (в данном случае речь пойдет о помещичьих крестьянах)⁴⁹.

Канкрин оставил три проекта ликвидации крепостничества⁵⁰. Во всех отношениях замечательна записка 1818 г. на французском языке «Разыскание о происхождении и отмене крепостного права или зависимости земледельцев, в особенности в России»⁵¹. Ее появление в определенной степени инспирировано недовольством московского дворянства предполагаемыми мерами правительства в этой области. Слухи о возможности таких мер были в свою очередь вызваны деятельностью Комитета Д.А.Гурьева по крестьянскому вопросу (1818—1819)⁵².

Одновременно с запиской Канкрин был подан целый ряд проектов отмены крепостного права. На их фоне план будущего министра финансов выделялся своим рациональным подходом к делу и наличием цельной продуманной программы уничтожения этого феодального института. Другие проекты либо уделяли основное внимание какой-нибудь одной стороне вопроса (например, борьбе против злоупотреблений помещиков и ограничению их власти), либо намечали только общие направления предполагаемых преобразований. Большинство авторов допускали безземельное освобождение крестьян (Н.С.Мордвинов, Н.И.Тургенев)⁵³ или же весьма туманно представляли себе контуры будущей реформы (П.Д.Киселев)⁵⁴.

И лишь два проекта напрямую связывали освобождение крепостных с наделением их землей — проект А.А.Аракчеева и проект Канкрин. В первом предусматривалось наделение крестьян всего двумя десятинами, что явно было недостаточно⁵⁵. И только план

Канкрин был построен на медленном выкупе крестьянами земли у помещиков в достаточном количестве. Этот проект содержал и другие интересные предложения, многие из которых впоследствии были развиты и даже претворены в жизнь (в указе 1842 г. об обязанных крестьянах, частично вошли в Положение 19 февраля 1861 г. и др.).

Работа Канкрин открывалась обзором истории освобождения крестьян в различных странах Западной Европы (например, он отмечал, что обезземеливание всего низшего сословия в Англии было следствием преждевременного или необдуманного уничтожения крепостного права, а в таком деле надо держаться строгой постепенности). По мнению Канкрин, необходима именно «цельная и заранее обдуманная система освобождения», «новое, точное и умеренное законоположение относительно крепостного состояния», а не ряд отдельных мер, как в других странах, где из-за этого процесс ликвидации крепостной зависимости затянулся на века⁵⁶. План Канкрин и являлся попыткой создать такую систему.

Автор критиковал предложения, имевшие конечной целью только урегулирование повинностей крепостного крестьянства. Он справедливо полагал, что на практике это не ограничило, а наоборот усилило бы эксплуатацию крестьян. Кроме того, установление государственного регулирования повинностей крепостного населения только утвердило бы институт крепостного права, а необходимо стремиться к его полной ликвидации⁵⁷. В этом вопросе Канкрин был последователен. И в 1835 г. он утверждал, что по отношению к крепостному праву нужны «меры не частные, но общие»⁵⁸.

Однако сразу отпустить крестьян на волю, по мнению Канкрин, было бы **несправедливо** (по отношению к помещикам, которые понесли бы убытки), **неосторожно** (т.к. освобожденные крестьяне могут «предаваться необузданным порывам страстей») и **невозможно** (из фискальных соображений)⁵⁹.

Таким образом, отмена крепостного права должна быть проведена постепенно и с осторожностью, но обязательно. Обязательной его отмены требует ряд причин. Во-первых, способы крепостного угнетения «противны законам божеским и человеческим», а положение крестьян вследствие крепостного состояния — «ужасающе». Во-вторых, упразднение крепостничества поможет избежать крестьянских возмущений. «Почти никто не подозревает опасности покоиться на вулкане, — писал Канкрин. — Опасность эта, без сомнения, еще не так близка от нас, но следует принимать надлежащие меры гораздо ранее пагубной развязки». Чтобы государство было «благополучно и спокойно», а «вулкан» не начал извергаться, необходимо предотвратить разорение основной массы населения — крестьян, что возможно только через их освобождение⁶⁰.

И наконец, ликвидация крепостничества необходима для дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве, т.е. определяется экономической целесообразностью. Канкрин писал:

«Россия будет тем, чем быть должна, помещик получит от своей собственности более выгод, чем получает ныне... Крестьянин будет пользоваться настоящим благосостоянием. Улучшение повсюду, и производительности в 20 раз более»⁶¹. Подобный взгляд позволяет отнести его к числу наиболее дальновидных современников, понимавших, что освобождения крестьян требовали гораздо более глубокие причины, чем предотвращение революционного взрыва⁶².

План Канкрин был рассчитан на 61 год. Первые шесть лет — подготовительный период. Прежде всего создается секретный комитет (!) и назначаются «тайные попечители» над крестьянами в губерниях (1819 г.). Затем Сенат объявляет во всеобщее сведение, что в России нет закона, запрещающего крепостному приобретать собственность: ему неотъемлемо принадлежит дом и движимость, он может покупать земли и пр. (1820 г.). Еще через два года (1822 г.) общинное землевладение государственных и помещичьих крестьян превращается в подворное, с воспрещением впредь переделов (с точным указанием удобной земли, принадлежащей собственно помещику, и с разделением лесов на господские и вотчинные). После этого подушный налог можно заменить подворным. Наконец, в 1825 г. издается указ, определяющий и ограничивающий в форме общих правил повинности крестьян и уже открыто ставящий их под покровительство лиц, назначаемых с этой целью правительством (т.е. «тайные попечители» как бы легализуются, выходят «из подполья»). Так завершается подготовительный этап. Предусмотрено еще два периода⁶³.

В последующие 25 лет определяется право наследования дворами и **размер выкупа** крепостного на свободу с землей и без земли, для чего учреждается земельный (заемный) банк (1835 г.). Чтобы помещики не испугались, Канкрин уточнял: «эта мера не будет иметь целью лишить дворянство, как опору престола, его собственности». Речь шла лишь о владении или пользовании землей.

На этом же этапе издается документ (1845 г.), содержащий более подробное и льготное определение крестьянских повинностей с дозволением частично их выкупать, «устраивается быт дворовых на законном основании» (1835 г.); вводятся права первородства при наследовании имений менее 250 душ — майораты (для предотвращения вредного дробления помещичьих владений)⁶⁴.

Канкрин предусматривал и постепенную перестройку вотчинного суда. Издается полицейское исправительное уложение для крестьян (т.е. административный кодекс; раньше помещик судил крестьян на основании обычного права), вотчинный суд подчиняется надзору ответственных чиновников (1827 г.). К 1845 г. владельцам больших поместий вменяется в обязанность производить вотчинный суд через ответственных чиновников. К концу следующего этапа — к 1880 г. — суд и расправа предоставляются исключительно правительственным чиновникам.

В течение этого последнего 30-летнего периода (1850—1880 гг.), который, если потребуется, может быть продлен, даруется право перехода; все личные повинности могут быть выкупаемы; земельные наделы объявляются собственностью каждого семейства, под условием уплаты соразмерной повинности и пр.⁶⁵

Хотя Канкрин писал о «собственности», не надо упускать вторую часть фразы: «под условием уплаты соразмерной повинности», речь, конечно, шла только о *семейном наследственном владении*⁶⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что Канкрин предлагал «предназначение столь громадное и многосложное» обдумать и привести «в исполнение не иначе, как с *общего содействия лиц самых просвещенных и благонамеренных из разных сословий*», в том числе и из крепостных крестьян («как тех, которые по своему положению лично заинтересованы в этом деле, так и других, чуждых в оном участии»)⁶⁷. Сама по себе подобная идея замечательна, хотя в условиях Российской империи начала XIX в. практически неосуществима. Канкрин выступил здесь как приверженец союза правительства с общественностью; правительство осознало необходимость такого союза (и то только с дворянской общественностью) лишь в самом конце 1850-х гг. Вот еще одно свидетельство «прозорливой дальновидности»⁶⁸ графа Канкринина.

И другие идеи проекта не остались не востребованными. Определенная работа или плата за пользование землей — основная мысль указа 1842 г. об обязанных крестьянах, и, частично, Положения 19 февраля 1861 г.; ограничение повинностей нашло свое отражение в т.н. «инвентарных правилах» 1847—1848 гг. для Западного края. Я далека от утверждения, что проект Канкринина — единственный источник этих законоположений, однако это лишний раз доказывает, насколько продуманными и взвешенными были его предложения.

По мнению В.И.Семевского, проект Канкринина 1818 г. замечателен и содержит много разумных предложений (определение повинностей, гарантирование собственности крепостных от посягательств помещиков, установление наследственной аренды с определенными платежами). Однако в то же время он представляет собой «сколок с западноевропейских, точнее, немецких отношений, и включает в себе некоторые предложения, исполнение которых вредно бы отразилось на экономическом быте крестьян». Например, уничтожение общинного землевладения или вотчинный суд через ответственных лиц (немецкие юстициары), по мнению Семевского, установили бы отношения, совершенно чуждые русской жизни⁶⁹. Но вопрос о предпочтении той или иной формы землепользования в России — индивидуальной или общинной — до сих пор является дискуссионным, а порядок привлечения к управлению и суду над крестьянами правительственных чиновников, как и другие детали плана, могли корректироваться по ходу дела, что допускалось автором проекта.

Необходимо отметить, что каждый комитет по крестьянскому вопросу имел дело с предыдущими проектами и мнениями

предыдущих комитетов, и в той или иной мере заимствовал из предшествующих предложений и мнений или оспаривал их. Следовательно, все изменения крестьянского законодательства могут быть поняты исключительно в свете предшествующей работы дворянской и правительственной мысли.

Наглядным примером подобного положения дел может служить записка Канкрин 1827 г., написанная им для Комитета 6 декабря 1826 г.⁷⁰ Автор данной статьи установила, что находящийся в распоряжении Комитета 1839—1842 гг. анонимный проект «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия» (1827 г.) как раз и есть записка министра финансов. Документ этот сыграл не последнюю роль в появлении «Положения об обязанных крестьянах» 2 апреля 1842 г.⁷¹ Это является еще одним свидетельством того, что Канкрин адекватно воспринимал российские реалии второй четверти XIX в.

Предлагаемый план в основном повторял проект 1818 г. с некоторыми сокращениями (отсутствовал обзор освобождения крестьян на Западе). Так же как и в 1818 г., речь шла об определении и ограничении повинностей, переходе к подворному наделению земель и постепенному выкупе крестьянами земли в семейное наследственное владение, но этот проект был рассчитан уже на 50 лет. В журнале Комитета отмечалось, что «главнейшие из сих предположений вошли в начертанный комитетом план», удостоенный высочайшего одобрения.

Что имели в виду члены Комитета? Речь могла идти о записке Сперанского, с которой он выступил на заседаниях Комитета 31 августа, 19 и 28 сентября 1827 г.⁷² Сперанский предлагал, прежде всего, запретить продажу крестьян без земли и на своз, а также продажу земли без крестьян, живущих на ней. Это, по его мнению, «обратит крепостное право на крестьян в прежнее его законное положение», т. е. сделает крестьян крепкими владельцу по земле, а не по лицу, что положит предел личной продаже крестьян в виде собственности или движимого имущества. Кроме того, таким образом, прекратится «переход поселян в разряд дворовых людей»⁷³.

В качестве переходной меры Сперанский рекомендовал изменить порядок увольнения крестьян. В отличие от указа 1803 г. его план предусматривал увольнение не только целыми селениями с землей, но селениями, частями селений и отдельными семьями без земли. Следующим этапом должно было стать устройство быта казенных крестьян и помещичьих как казенных. Для этого предполагалось определение повинностей или, другими словами, введение инвентарей. В отличие от Канкрин, Сперанский предлагал определять повинности крестьян свободным договором между помещиками и крестьянами⁷⁴, причем не предусматривалось «никаких гарантий, что эти договоры заключались бы на условиях, действительно благоприятных для крестьян». Сперанский также не считал необходимым регулировать такие договоры «известными

обязательными постановлениями»⁷⁵. Оставалось неясным, каков должен был быть юридический характер таких договоров⁷⁶. Канкрин предлагал принципиально другое решение — его проект предусматривал ограничение и определение повинностей законом.

В записке Сперанского не говорилось ни о преобразовании земельных отношений (превращение общинного землепользования в подворное), ни о семейной наследственной аренде, ни о выкупе повинностей, ни о перестройке вотчинного суда (автор лишь вскользь упомянул о преобразовании земского управления). Все перечисленные положения отсутствуют у Сперанского, но есть в проекте Канкринина. План последнего рассматривался Комитетом 30 октября 1827 г. К этому времени имелись, помимо записки Сперанского, развернутые решения, зафиксированные в журнале Комитета и одобренные императором⁷⁷. Но там нет даже намека на многое, предлагаемое Канкриним. Однако, по каким-то причинам (вероятнее всего, из-за соображений секретности) члены Комитета решили предложения министра финансов проигнорировать. Те же причины, очевидно, обусловили «не вхождение» министра в Комитет, хотя он и являлся автором двух наиболее взвешенных и целостных программ освобождения крестьян.

Не лишен интереса вопрос о мотивах, побудивших Егора Францевича представить в Комитет 6 декабря свой проект. По свидетельству его ближайшего сотрудника, он никогда «не ленился представлять особые мнения» и всегда следил «за ходом дел, не только входивших в круг его обязанностей, но за всем тем, что могло иметь государственное значение»⁷⁸. Так было и на этот раз, тем более что обсуждаемый вопрос глубоко волновал Канкринина.

Как следует из всего вышеизложенного, Канкрин последовательно выступал против безземельного освобождения, которое вслед за проведением его в Прибалтике в 1816—1819 гг. угрожало и всей России. Его проекты предусматривали четкое ограничение и определение повинностей крестьян, гарантирование собственности крепостных от посягательств помещиков, они основывались на медленном выкупе крестьянской земли у помещиков в достаточном размере и установлении наследственной аренды. Хочется подчеркнуть, что речь шла о выкупе именно земли и связанных с ней повинностей, личная же свобода, по мысли Канкринина, доставалась крестьянам как бы «по умолчанию» и даром. Подобное отношение пришло в практику правительственной разработки данной проблемы лишь после принятия указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах.

Канкрин настаивал на постепенном исполнении строго обдуманного плана уничтожения крепостного права, справедливо полагая, что это сократит время преобразования (тогда как частные изменения растянут это преобразование на века, как было в ряде европейских стран). Первый шаг по реализации такого плана, по его мнению, неминуемо повлечет за собой последующие шаги, при отдельных улучшениях этого может и не произойти. Такой

комплексный и «с опережением» подход Канкрин к крестьянскому вопросу заслуживает самой высокой оценки.

Тем более неожиданным представляется поведение министра финансов в секретном Комитете, учрежденном в марте 1835 г. «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий»⁷⁹ (председатель — И.В.Васильчиков, члены — М.М.Сперанский, Е.Ф.Канкрин, П.Д.Киселев и Д.В.Дашков). Программа комитета была весьма обширна: устройство конфискованных у польских повстанцев имений для передачи в частные руки, устройство казенных старостинских и фундушевых имений в западных губерниях, преобразование управления казенными крестьянами и, наконец, меры к улучшению состояния помещичьих крестьян. Вопрос о казенных и помещичьих крестьянах рассматривался как единый вопрос о сельском населении Российской империи после того, как Сперанский в 1827 г. (в записке для Комитета 6 декабря 1826 г.) заметил, что в деле улучшения положения крестьян правительство должно подавать пример частным лицам⁸⁰.

Члены комитета полагали, что все части предстоящего им труда «должны быть обработаны под господством одной главной мысли и служить одна другой подкреплением и примером, с теми изменениями и различиями, коих потребуют свойства каждой части и местные обстоятельства» и потому старались прежде всего согласиться в «основных началах». Они признали, что нет иного способа к достижению предназначенной им цели, как «установление для крестьян верного и со всею осторожностью размеренного перехода от одной степени на высшую, и, так сказать, нечувствительного возведения их от состояния крепостного до состояния свободы в той мере, какую закон справедливости и польза государственная допустить могут». Определение степеней и порядка этого перехода «требует величайшей осмотрительности: поспешность, необдуманное распоряжение и даже одно имя свободы, рано произнесенное, могут иметь последствия губительные»⁸¹.

Комитет установил «три степени состояния крестьян всех наименований, казенных и помещичьих»: 1) состояние крепостных с ограничением работы на владельца тремя днями на основании манифеста 1797 г.; таково положение помещичьих крестьян великороссийских губерний; они находятся в полной зависимости от помещика: тяжесть их работ, кроме числа дней и распоряжения их лично, не ограничены законом; 2) состояние крестьян, обязанных *мерною работою*: они остаются *крепкими земле*; количество работ их будет определено законом соразмерно с количеством земли, получаемой ими в пользование от помещика; 3) состояние крестьян, пользующихся правом свободного перехода от одного владельца к другому и обрабатывающих помещичьи земли на основании заключаемых договоров; такой порядок установлен в Остзейских губерниях⁸².

Очевидно, что все помещичьи крестьяне относились к 1-й степени. Ближайшей задачей правительства по отношению к ним было законодательное регулирование повинностей крестьян, т.е.

введение обязательных инвентарей, точно определяющих размеры барщины и соответствующего ей денежного эквивалента. Крестьяне 2-й степени — это государственные крестьяне. Так как они уже платили своему владельцу — казне — точно установленный законом оброк или отбывали (в западных районах) барщинные повинности на основании утвержденных инвентарей, то очередные усилия правительства должны были привести к уравниванию положения помещичьих крестьян с крестьянами казенными. В дальнейшем и те, и другие получали право перехода и право заключения договора на пользование земельным участком, т.е. превращались в свободных, но безземельных хлебопашцев, ничем не отличавшихся друг от друга по своим правам и обязанностям⁸³.

Следовательно, что касается государственных крестьян, была отброшена мысль о превращении их в наследственных держателей казенной земли на основе семейного землепользования и была выдвинута новая — свободного распоряжения крестьянскими наделами со стороны казны. То же самое можно сказать и о владельческих крестьянах: идею выделения им земли в бессрочное содержание заменило соображение о безземельном освобождении и аренде земли у хозяев на основе договора.

Однодворцы, свободные хлебопашцы и другие, состоящие на особых правах и владеющие *собственной землей*⁸⁴, не были включены комитетом в эти разряды, т. к. они «не могут служить ступенью к установленному переходу».

Члены Комитета справедливо полагали, «что переход на вторую степень», т. е. из крепостных в прикрепленных к земле, «будет уже важным улучшением для крестьян первой степени», но, к сожалению, они считали также очевидным, что с «благоразумным приготовленным» переходом крестьян на третью степень, т. е. к тем отношениям, какие были установлены в Остзейском крае, «исполнится желание правительства и удовлетворится потребность государственная, столь важная для будущего спокойствия и процветания России»⁸⁵.

Таким образом, по мнению Комитета 1835 года, последним словом в крестьянском вопросе является обезземеливание крестьян по образцу Прибалтийского края. Это не удивительно по отношению к Сперанскому, который допускал освобождение без земли и в Комитете 6 декабря 1826 года, но вызывает недоумение, что Канкрин допускал обезземеливание крестьян, тогда как в записке 1818 г. он считал возможным даровать право перехода лишь после того, как земельные наделы будут объявлены «собственностью каждого семейства под условием уплаты соразмерных повинностей» (наследственная аренда)⁸⁶. Н.М.Дружинин объяснял такое отступление Канкринина от своих идей 1818 г. неблагоприятным впечатлением, произведенном на графа борьбой ирландского крестьянства и революцией 1830 г. во Франции (он опасался, что остзейские области Российской империи станут питательной средой аналогичных движений)⁸⁷. Еще печальнее, по мнению В.И.Семевского, что Комитет допускал возможность обезземеливания и для

казенных крестьян, находившихся несомненно в лучшем положении, чем, хотя и лично свободное, но лишенное наследственного пользования землею земледельческое население прибалтийской окраины России⁸⁸.

Связь между таким решением и аграрной проблемой, встававшей в помещичьих имениях, несколько позднее была раскрыта Киселевым на одном из заседаний Государственного совета. Говоря о повсеместном убеждении государственных крестьян в том, что казенные наделы составляют их неотъемлемую и бесспорную собственность, Киселев находил такое явление чрезвычайно нежелательным: «Эта мысль перешла к крестьянам помещичьим и укореняется более и более — мысль опасная и которая может иметь последствия самые плачевные»⁸⁹. Чтобы подготовить безземельное освобождение помещичьих крестьян, нужно было, по мнению Киселева, переломить убеждение крестьян казенных, внушить им противоположную мысль, что собственником их наделов является само государство и только оно одно.

Работы комитета могли принять весьма опасное для крестьян направление: в этот период царствования императора Николая, очевидно, еще не была отброшена мысль о возможности безземельного освобождения крестьян, грозившего русскому народу при его предшественнике⁹⁰. Окончательное изменение во взглядах правительства, резкое неодобрение крестьянской реформы в прибалтийских губерниях начинается со времени следующего секретного комитета 1839—1842 г. Заслуга этого изменения будет принадлежать уже, увы, не графу Канкрину, хотя его идеи относительно уничтожения крепостного права в России во многом предвосхитили развитие событий.

Для осуществления принятой программы комитет 1835 г. предполагал руководствоваться следующими основными началами: прежде всего, при всех удобных случаях распространять и утверждать коренное правило, что «земля есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помещика (казны или частного лица)» и что крестьяне могут пользоваться ею не иначе, «как с согласия помещика и взамен определенной за нее работы». По мнению комитета, «несчастливая мысль, почти повсеместно существующая между помещичьими крестьянами, что они сами принадлежат господину, а земли принадлежат им, есть одно из главных препятствий к достижению желаемой цели при введении предполагаемых улучшений крестьянского быта; она может возбудить волнение умов и подать повод к важным беспорядкам»⁹¹.

Далее необходимо определить «различные по местным обстоятельствам размеры работ, которыми должно обложить по закону крестьян 2-й степени, тщательно соображая эти размеры не по числу душ, а по количеству получаемой в пользование земли и по способам каждого семейства к ее обрабатыванию»⁹². Эти меры должны стать первым шагом к предполагаемому улучшению быта крестьян 2-й степени. Другими словами, при введении инвентарей необходимо учитывать местные социально-экономические усло-

вия. Размер повинностей должен устанавливаться не по количеству крестьянских душ, а по величине земельных участков и по степени развития промыслов, т.е. по степени доходности крестьянского хозяйства. Предполагалось установить единообразные нормы барщины и оброка и для казенных, и для частновладельческих крестьян.

И, наконец, планировалось «приготовить ряд постановлений и распоряжений,.. кои бы развивались постепенно, отнюдь не имея вида какой-либо перемены в государственных постановлениях. Должно, чтобы, при переходе с одной степени на другую крестьяне находили уже ощутительную выгоду в перемене своего положения и были приготовлены пользоваться оною, не переступая дозволенных границ». Члены Комитета опасались «внезапного потрясения прав собственности» и массового переселения крестьян, получивших право свободного перехода, в южные губернии⁹³.

Очевидно, что предложенные меры удивительно похожи на планировавшиеся в другом Комитете — 6 декабря 1826 г. — и были составлены, скорее всего, тем же человеком — Сперанским. Канкрин согласился со всеми решениями своих «сочленов». Однако он не торопился делать из них какие-либо практические выводы: он не указывал путей реализации постановлений Комитета — о сближении государственных и помещичьих крестьян, о подготовке конечного этапа реформы и о способах воздействия на частновладельческие имения силами и средствами казенного хозяйства. Его в тот момент занимали совсем другие проблемы: решался вопрос о том, кто будет преобразовывать дальше государственную деревню — он или Киселев.

Члены Комитета рассмотрели внесенный Канкриным по повелению государя «Проект нового управления казенными имуществами» и нашли, что согласно с изложенными выше основными правилами, это преобразование должно составлять одно целое с общим делом улучшения состояния крестьян разных названий. По свидетельству очевидца, сам Канкрин не верил в успех своего проекта управления государственными крестьянами⁹⁴. Осенью 1835 г. заседания Комитета возобновились, но ни к каким положительным результатам никак не приводили. Его члены оказались не в состоянии выработать никакого определенного проекта. Сперанский прямо заявлял, что по делу о помещичьих крестьянах не ждет успеха. Противоречия между Киселевым и Канкриным достигли своего пика. Тогда император решил из общего вопроса о сельском населении России выделить устройство казенных крестьян и поручить его Киселеву. Правда, сначала он предложил Канкрину заняться этим делом, но предложение было сделано таким образом, что последнему ничего не оставалось как отказаться от него. В апреле 1836 г., как отмечалось выше, было учреждено V Отделение СЕИВК, впоследствии преобразованное в министерство государственных имуществ (1837). Управление казенными крестьянами перешло к Киселеву, и дальнейшие преобразования получили его имя.

Канкрин вернулся к вопросу о крепостном праве в своей последней работе («Очерки политической экономии и финансов» 1845), где писал, что свобода крестьянина без владения землей хуже, чем крепостная зависимость⁹⁵. Поэтому, несмотря на «зигзаг» 1835 г., можно сказать, что, немец по происхождению, российский министр финансов Егор Францевич Канкрин прекрасно разбирался в реалиях русской жизни и был, пожалуй, наиболее дальновидным и наименее утопичным из авторов проектов освобождения крестьян первой трети XIX столетия. Доказательством можно считать использование аналогичных идей во всех значительных документах по крестьянскому вопросу 1840—1861 гг.

Секретные комитеты второй четверти XIX в. оставили заметный след в законодательстве по крестьянскому вопросу. При Николае I «законодательство о крепостном праве стало на новую почву и достигло важного результата — общего признания, что крепостной крестьянин не есть частная собственность землевладельца»⁹⁶ и, что освобождение крестьян без земли хуже, чем сохранение крепостного права. Таким образом, при этом императоре произошли определенные сдвиги и в праве, и в социальной психологии дворянства, хотя таковых и не наблюдалось в положении крестьян. В этом есть заслуга и Егора Францевича Канкрин.

Свидетельством его преданности России является деятельность на благо ее. Двадцать один год, при двух императорах, быть министром финансов и при этом укрепить финансовую систему страны — это под силу только незаурядной личности, обладающей высоким профессионализмом, только умному, знающему свое дело и деятельному человеку. Егор Францевич отличался и мощным теоретическим обоснованием своей практической деятельности⁹⁷. Современник высоко оценил его усилия по укреплению отечественной экономики: «Канкрин вывел наши финансы и государственное хозяйство из самого бедственного состояния. Он организовал и привел в нормальное состояние наш бюджет»⁹⁸. Другой современник отмечал: «До какой степени благотворна России гениальная его деятельность, о том свидетельствует все, к чему только относились его распоряжения. Открыто множество новых источников доходов; повсюду проявилось движение; промышленность и торговля достигли цветущего состояния; ожило земледелие, лесоводство и горнозаводство»⁹⁹.

К сожалению, этого нельзя сказать о крестьянских проектах Канкрин. Большинство его идей так и не были реализованы при его жизни, а некоторые не нашли воплощения никогда.

Примечания

¹ Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин. СПб., 1897. С. I.

² См., напр.: Божерянов И.Н. Указ. соч. С. VIII; Блюх И.С. Финансы России. СПб., 1882. Т. I. С. 155—156.

³ Боровой С.Я. К истории промышленной политики России в 20—50-х годах XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 281, 282, 287, 280;

Рындзюнский П.Г. Гильдейская реформа Канкрин 1824 г. // Там же. Т. 40. М., 1952. С. 110.

⁴ Катыхова Л.А. От рубля бумажного к рублю серебряному // Русский рубль. М., 1994. С. 34—54; Юровский В.А. Министр финансов Е.Ф.Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1.

⁵ История СССР. Учебник для исторических вузов / Под ред. И.А.Федосова. М., 1987. С. 100.

⁶ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 102.

⁷ Есть сведения, что Ф.Л.Канкрин был приглашен в Россию П.А.Румянцевым-Задунайским по рекомендации своего родственника генерал-инженера Бадера.

⁸ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания // Русский архив. 1866. Т. IV. С. 113.

⁹ От этого времени сохранились его письма к академику Н.И.Фуссу с убедительной просьбой о месте учителя в гимназии (Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 116).

¹⁰ Лажечников И.И. Граф Е.Ф.Канкрин // Русский вестник. 1864. № 6. С. 145.

¹¹ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 118.

¹² Там же. С. 119.

¹³ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия его времени. Т. 6. СПб., 1871. С. 399.

¹⁴ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 120.

¹⁵ Блиох И. Указ. соч. Т. I. С. 160.

¹⁶ Названия даны в переводе с немецкого, т.к. все свои произведения, в отличие от деловых бумаг, Канкрин писал на родном языке.

¹⁷ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 121—122.

Вообще, по мнению Канкрин, следует «не переменять елико можно коренных государственных установлений, ибо недостатки существующего известны, нового сокрыты» («Замечания, представленные Канкринным Комитету 6 декабря 1826 года в виде нескольких тезисов о преобразовании государственного управления», цит. по: Блиох И.С. Указ. соч. Т. I. С. 177—178). Когда «дух переменчивости обладает народами», лучшее средство борьбы с ним — умеренная и мудрая финансовая политика (Там же).

В конце жизни Канкрин издал обобщающий труд, в котором углубил и расширил положения своих ранних произведений (Экономия человеческих обществ и финансовая часть (Die Ökonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen). Штутгарт, 1845; пер. и изд. в СПб. в 1894 г. под назв.: «Очерки политической экономии и финансии»).

¹⁸ Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Письма Е.Ф.Канкрин к А.А.Аракчееву // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883. С. 384, 443.

²⁰ Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк его жизнеописания. С. 122.

²¹ Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник Русского Исторического общества (Сб. Р.И.О.). Т. 73. С. 417; Письма Алексея Петровича Ермолова к князю Михаилу Семеновичу Воронцову // Архив князя Воронцова. Т. XXXVI. М., 1890. С. 239.

²² Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1894. Т. III. С. 48.

- 23 Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 81.
- 24 Из записок П.М.Языкова. Русский архив. 1867. С. 395.
- 25 Вагнер А. Русские бумажные деньги. Киев, 1871. С. 128 (примечания Н.Х. Бунге к русскому переводу).
- 26 Вернадский И.В. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858. С. 203.
- 27 Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. С. 234 (А.И.Рибопьер — бывший директор Коммерческого банка).
- 28 Блюх И.С. Указ. соч. С. 204—205.
- 29 Блюмин И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.; Л., 1940. С. 139.
- 30 Реформа началась с финансового Комитета 1839 г., следствием работы которого стало уничтожение лажа и введение постоянной металлической монетной единицы; в 1843 г. был утвержден манифест «О замене государственных ассигнаций другими денежными представителями», выработанный одноименным комитетом; это был заключительный этап реформы (Сб. Р.И.О. Т. 98. 1896. С. 175—207).
- 31 Усов П.С. Столетие дефицитов // Исторический вестник. 1885. Т. XX. С. 521.
- 32 Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 171.
- 33 Хотя тариф был введен незадолго до прихода Канкрин в Министерство финансов реализация новой таможенной политики стало уже его делом. Сам Канкрин подчеркивал, что вовсе не является безоговорочным адептом протекционной политики. В литературе не раз отмечалось, что частичные перемены в таможенном тарифе 1822 г., проведенные при Канкрине, в основном сводились к отмене некоторых запрещений к ввозу. К.Лодыженский даже констатировал, что «переход от строго охранительной таможенной политики к началу более умеренного протекционизма начался еще при Канкрине» (Лодыженский К. История русского таможенного тарифа СПб., 1886. С. 226).
- 34 Переписка между Канкриним и А.Гумбольдтом в 1827—1832 гг. издана в Лейпциге в 1865 г. К участию в этих экспедициях по изучению естественных богатств России Канкрин привлекал богатых иностранцев, частично «спонсировавших» экспедиции (Русская старина. 1904. № 2. С. 362).
- 35 Технологическое отделение было создано при 3-й Московской гимназии и при некоторых губернских гимназиях. По инициативе Канкрин были открыты также училища торгового мореплавания в Москве и Петербурге, шкиперские учебные курсы в Архангельске (Божерянов И.С. Указ. соч. С. 174).
- 36 2-я (1831 г.) и 4-я (1835 г.) выставки отечественной промышленности прошли в Москве, 3-я (1833 г.) — опять в Северной столице.
- 37 Статья Канкрин «Монограммы или ряд гербовых знаков на стенах замка Изборского» была опубликована в «Отечественных записках» (1827. № 81. С. 28) с примечанием редактора: «разыскания сии сделаны в 1805 г. по просьбе покойного канцлера графа Николая Петровича Румянцева». Профессор Иконников, автор работы «Опыт русской историографии», говорил, что граф Румянцева отыскивал по указанию Канкрин древние камни на Западной Двине (см.: Божерянов И.С. Указ. соч. С. 138).
- 38 Картины воображения слепца. Берлин, 1845. (В старости Канкрин стал очень плохо видеть).
- 39 Современник. 1846. Т. 41. С. 60—74.

40 П.А.Плетнев даже назвал местность вокруг Лесного института (т.н. Лесной корпус), превращенную Канкриным из «дикой пустыни» в прекрасную «новую часть для городского населения», Канкринополем (Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. Т. II. СПб., 1886. С. 717).

41 «Это было такое нововведение, какого не знала в то время Франция», — писал биограф Канкрина (Божеянов И.С. Указ. соч. С. 174).

42 Например, не упоминалось о том, что Канкрин всячески способствовал облегчению участи своего свояка — Артамона Муравьева (жена Канкрина была родной сестрой декабриста).

43 Полн. собр. законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 1. № 423.

44 Так должны были называться 2-я и 3-я части работы. Исторический очерк «О законах, относящихся до землевладельцев и крестьян в Западной Европе и России» был подготовлен профессором М.А.Балугьянским и директором департамента государственных имуществ Министерства финансов Дружининым.

45 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 6. Л. 65 об. (из дневника М.А.Корфа).

46 Канкрин был сторонником рассеянной мануфактуры; он мечтал о поселении на Урале свободных рабочих — собственников участков земли.

47 В 1835 г. Киселев писал о будущем преобразовании: «Управление казенными крестьянами С.-Петербургской губернии вверяется конторе, учрежденной по примеру удельной» (Заблоцкий-Десятковский А.П. Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 13)

48 На местах были учреждены особые палаты государственных имуществ, а в уездах — окружные управления. Было допущено и некоторое самоуправление казенных крестьян.

49 По Своду законов «к крепостному состоянию принадлежат: 1) крестьяне помещичьи; 2) дворовые люди» (Свод законов. Т. 9. 1833. Ст. 543).

50 Речь пойдет о двух из них — 1818 и 1827 гг. План «постепенных распоряжений от перемене крепостного состояния» 1836 г., рассчитанный на 20 лет, повторял основные положения предыдущих (Русский архив. Т. 3. С. 1360—1373; Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 31. Д. 27. Л. 8 и след., л. 51 и след.).

51 Русский архив. 1865. № 3. С. 1360—1373. Авторство Канкрина удостоверяется П.И.Бартеневым (Русский архив. 1866. № 4. С. 126).

52 Д.А.Гурьев — министр финансов в 1810—1823 гг.

53 Н.С.Мордвинов предлагал крепостным выкупать свою личную свободу по цене, соответственной возрасту и «рабочей способности» каждого. Н.И.Тургенев предлагал прежде всего устранить самые вопиющие злоупотребления крепостного права; не придавал большого значения тому, с землей или без земли будут освобождены крестьяне (Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. I. СПб., 1888. С. 442, 451—453).

54 Киселев планировал «дозволить крестьянам с семейством их из рабства выкупаться» по цене, «сколь можно для дворян выгодной» и назначенной правительством (кроме дворовых); его предложения о переселении «лишних» крепостных крестьян (тех, кому не хватило земли) в малонаселенные губернии с переходом их в вольные хлебопашцы представляются утопичными (Заблоцкий-Десятковский А.П. Указ. соч. Т. IV. СПб., 1882. С. 197—198).

55 Аракчеев предлагал правительству постепенно выкупить крепостных крестьян с землей у помещиков по ценам данной местности так, чтобы у крестьян было бы по 2 дес. земли на душу, прибегнув для этого к специ-

ально создаваемому ежегодному капиталу (5 млн руб.) либо из отчислений от питейных сборов, либо путем выпуска 5%-ных облигаций государственного займа. Проект этот предусматривал слишком маленькие размеры крестьянских земельных участков, оставляя помещикам возможность сдавать землю в аренду (Девятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 147).

⁵⁶ Русский архив. 1865. № 3. С. 1360—1361, 1369.

⁵⁷ Там же. См. также: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М., 1957. С. 348.

⁵⁸ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 26.

Когда Киселев в 1834 г. предложил распространить закон, действующий в Грузии — разрешение крестьянам, продаваемых с аукциона имений, выкупаться на волю — на Россию, при продаже имений разночинцев, министр финансов в Государственном Совете выступил против. Он заявил, что «приобретение свободы несколькими тысячами семейств не может принести государству существенной пользы и, что для вернейшего достижения подобной цели требуются меры не частные, но общие» (Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. II. С. 224).

⁵⁹ Русский архив. 1865. № 3. С. 1364. Ср.: у Киселева (1816): уничтожить права дворянства на крепостных «внезапно и самовольно было бы несправедливо и неосторожно... Первый порыв вольности влечет к буйству...» (Киселев П.Д. «О постепенном уничтожении рабства в России» // Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. 4. СПб., 1882. С. 197).

⁶⁰ Русский архив. 1865. С. 1364, 1366.

⁶¹ Там же. С. 1373 («Естественные последствия крепостного состояния привели, наконец, наших крестьян в ужасающее положение», — писал Канкрин).

⁶² Ср.: С.В.Мироненко о П.Д.Киселеве: Мироненко С.В. Указ. соч. С. 191.

⁶³ Русский архив. 1865. С. 1369.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 1370.

⁶⁶ Семевский считал, что Канкрин привлекала система, введенная в Лифляндии и Эстляндии в 1804—1805 гг. Земля там оставалась собственностью помещиков, но находилась в наследственном пользовании крестьян, и могла быть отобрана только по приговору суда. Кроме того, там предусматривалось соразмерение и облегчение повинностей крестьян; ограждение их от произвола помещиков; дозволение им приобретать собственность (Семевский В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 448). Однако, судя по тексту записки, Канкрин такая система как раз и не устраивала (Русский архив. 1865. С. 1367).

⁶⁷ Там же. С. 1373.

⁶⁸ Корф М.А. Император Николай в совещательных собраниях // Сб. Р.И.О. Т. 98. СПб., 1896. С. 139.

⁶⁹ Семевский В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 448.

Ключевский называл предложения Канкрин лучшими применительно к первой четверти XIX в. (Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. Т. 5. С. 214).

⁷⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 31. Д. 27. Л. 8 и сл.; см. также: Боровой С.Я. Указ. соч. С. 282 (в бумагах Комитета 6 декабря 1826 г. записки не было).

71 Эта записка входила в состав подготовительных материалов Комитета 1839—1842 гг., предоставленных его членам по распоряжению императора для составления краткого очерка истории крестьянского вопроса. В обоих документах речь шла об обязательной работе или плате за пользование землей, причем размер их раз и навсегда устанавливался законом (что было оговорено и в записке Канкрин 1818 г.).

72 «Записка о крепостном состоянии в России и о мерах, какие должны быть приняты для улучшения положения крепостных поселян и дворовых людей и для достижения не быстрыми, но верными и безопасными средствами совершенного освобождения их от рабства» (Девятнадцатый век. Кн. 2. С. 159—163). 5-я статья этой «Записки» практически дословно совпадает с текстом раздела V-го «Дополнительного закона о состояниях» («О крестьянстве»), представленного в Государственный совет в начале 1830 г. (Сб. Р.И.О. Т. 90. СПб., 1894. С. 377—381).

73 Девятнадцатый век. Кн. 2. С. 162—163.

74 Там же. С. 164—165.

75 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 1. С. XXVII—XXVIII.

76 Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995. С. 142.

77 Сб. Р.И.О. Т. 74. СПб., 1891. С. 165—168, 171—175.

78 Так, в тот же Комитет 6 декабря 1826 г., Канкрин подал тезисы о преобразовании государственного управления, включавшие и соображения о новых губернских учреждениях. Эти тезисы вызвали резкую отповедь Сперанского. Последний считал замечания Канкрин по губернским учреждениям «нелепостью» не только в России, но даже в Соединенных Американских Штатах, а по поводу государственного устройства России отмечал, что «островное или федеративное устройство», описанное Канкриным, не имеет ничего общего с российским. По мнению Сперанского, проект Канкрин ничего общего с обсуждаемым в Комитете не имеет (Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 91, 154, 118—119, 120).

79 Комитет 1835 года назывался «Комитетом, учрежденном на указанных его императорским величеством основаниях».

80 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

81 Там же. С. 22.

82 Там же.

83 См.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 284.

84 Еще межевой инструкцией 1766 г. однодворческие земли поместного происхождения были признаны казенными; собственными их землями считались только купленные или данные в вотчину.

85 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

86 Там же.

87 Дружинин Н.М. Указ. соч. Т. 1. С. 188.

88 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

89 Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. Киселева, № 29.7.128 (собственноручные «Заметки на память»); цит. по кн.: Дружинин Н.М. Указ. соч. Т. 1. С. 286—287.

90 Семевский В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

91 Там же. С. 24.

92 Там же.

93 Там же. С. 24—25.

94 О причинах такой неуверенности говорилось выше.

⁹⁵ Очерки политической экономии и финансии. СПб., 1894. С. 220. См. примечание 17 к данной работе.

⁹⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 5. С. 249, 255.

⁹⁷ См. напр.: Иконников В.С. Граф Н.С.Мордвинов. СПб., 1873. С. 450.

⁹⁸ Ковалевский Ег.П. Граф Д.Н.Блудов и его время. СПб., 1866. С. 150.

⁹⁹ Божерянов И.Н. Указ. соч. С. VIII (Из речи П.А.Плетнева в Санкт-Петербургском университете 3 февраля 1846 г.).